
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ПРАВА

УДК 340

№ 3 (14) / 2017, с. 9—15

О СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДАХ К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ «ЭЛЕКТРОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ» В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Александр Сергеевич Киселев

аспирант 3 года обучения

кафедра Теории и истории государства и права

Институт права и национальной безопасности

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина».

E-mail: pain068@yandex.ru

В системе e-government электронная демократия является наименее разработанной концепцией по сравнению с электронным судопроизводством и электронным правительством. Это объясняется тем, что электронная демократия, по мнению некоторых исследователей, сама по себе является финальной стадией развития электронного государства: при введении сервисов и элементов электронной демократии подразумевается наличие высокоразвитого информационного общества в государстве.

Ключевые слова: электронная демократия, электронное государство, информационно-телекоммуникационные технологии, правовое регулирование информатизации, демократия, правовое государство.

ON MODERN APPROACHES TO UNDERSTANDING ESSENCE «ELECTRONIC DEMOCRACY» IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Kiselev A. S.

In the e-government system, e-democracy is the least developed concept in comparison with electronic litigation and e-government. This is due to the fact that electronic democracy, in the opinion of some researchers, is in itself the final stage in the development of the electronic state: when services and elements of e-democracy are introduced, a highly developed information society in the state is implied.

Keywords: electronic democracy, electronic state, information and telecommunication technologies, legal regulation of information, democracy, rule of law.

Сегодня в практику деятельности государственных и муниципальных органов власти активно внедряются информационные технологии. Как правило, речь идёт об изменении уже существующего метода работы а счёт автоматизации процессов. В соответствии с установленными ранее сведениями, в данном случае нельзя говорить о непосредственном переходе как к электронному пра-

вительству, электронному судопроизводству, так и к электронной демократии. Происходит оптимизация отдельных функций органов власти, осуществленных за счёт информационно-телекоммуникационных технологий и компьютерного оснащения с выходом в сеть Интернет. Лишь с достижением полного перевода на дистанционное взаимодействие, предусмотренное электронной демократией,

можно говорить об осуществлении программы электронной демократии. Данную точку зрения разделяет Н. С. Гегедюш, утверждая, что электронная демократия не сводится к применению информационных технологий в избирательном процессе. Суть этого явления намного шире. Например, согласно консолидированному мнению членов общественно-политического движения «Реформация», электронная демократия есть «форма прямой демократии, характеризующаяся использованием информационно-коммуникационных технологий, как основного средства для коллективного обсуждения и принятия государственно значимых решений, а также контроля их исполнения» [1, с. 95—97].

Возникает вопрос о том, какова на самом деле природа «электронной демократии»: является ли изучаемая категория лишь автоматизацией избирательного процесса, предполагается ли полный перевод всех демократических институтов на дистанционную основу или же электронная демократия представляет собой одну из форм, разновидностей демократии «обыкновенной». Учитывая отсутствие догматической трактовки термина, как в отечественной литературе, так и среди американских, британских, сингапурских исследователей, заметно преуспевших в развитии электронного государства в целом, однозначно ответить на поставленный вопрос весьма сложно.

Обратимся к мнениям некоторых авторов, проводивших исследования в данной области, для выявления существенных признаков, характеризующих институт электронной демократии.

Согласно определению А. М. Боброва, «Электронная демократия — это демократия, обеспечивающая при помощи развитых информационных технологий игровой эффект от участия граждан в управлении политическими процессами» [2, с. 28].

Обращаясь к законодательной сфере, отметим проект Концепции развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 г. (от 12 мая 2012 года), в котором даётся следующее определение: «Под электронной демократией понимается такая форма организации общественно-политической деятельности граждан, которая обеспечивает за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень взаимодействия граждан друг с другом, с органами государственной власти, органами местного самоуправления, общественными организациями и коммерческими структурами».

Согласно Концепции «целями развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии являются:

1) повышение общественно-политической активности граждан за счет электронного взаимодействия с органами власти, с другими гражданами и институтами общества;

2) повышение эффективности и скорости публичного взаимодействия граждан с органами власти и другими субъектами общественно-политической деятельности посредством повсеместного внедрения в практику взаимодействия информационно-коммуникационных технологий;

3) формирование качественно новой культуры сетевой коммуникации (подразумевает доверительное отношение пользователей к электронным ресурсам, в том числе, к сайтам органов власти, компьютерным технологиям, новейшим средствам связи, направленным на вовлечение граждан к принятию государственно значимых решений);

4) снижение бюрократического механизма и уменьшение бумажного документооборота, значительно снижающего влияние человеческого фактора;

5) поддержка институтов и процедур публичной самоорганизации граждан на всех уровнях общественно-политической деятельности;

6) популяризация среди населения законных практик применения информационно-коммуникационных технологий в сфере общественно-политической деятельности [3].

В. Г. Белов разделяет экспертное мнение. В своей работе он делает акцент на том, что «в настоящее время научным сообществом разрабатывается альтернативная Концепция развития электронной демократии в России (общественный проект), пытающаяся устранить ряд проблем варианта Концепции, подготовленной Министерством связи РФ, и расширяющая сферу деятельности электронной демократии».

По мнению авторов альтернативного проекта, сужение понятия ЭД в Концепции Минсвязи до уровня инструментов, призванных облегчить работу органов власти (сбор, анализ и формирование общественного мнения, оптимизация документооборота) приводит к подмене понятия «электронная демократия» на понятие «электронное правительство».

Цели электронной демократии аналогичны целям эффективного руководства: прозрачность, подотчетность, ответственность, вовлечение в дискуссию населения, доступность, участие, субсидиарность (решение

задач на самом низком или удаленном от центра уровне), доверие к демократии, демократическим институтам и демократическим процессам, а также социальное сплочение» [4, с. 133].

По мнению авторов проекта, Государственная Концепция электронной демократии характеризуется: закрытым режимом разработки, недостаточным использованием международного опыта, отсутствием доступности открытых протоколов и машинописных форматов, отсутствием механизма предоставления законопроектов обществу, отсутствием электронного обеспечения равного и бесплатного доступа к системе участия граждан в электронном самоуправлении и принятии государственно значимых решений, отсутствием краудсорсинга.

Дадим определение термину «краудсорсинг». Под краудсорсингом понимается специфическая форма использования человеческих ресурсов для решения задач, как правило, творческого характера и зачастую не связанных с должностными обязанностями работников [5, с. 105]. Краудсорсинг подразумевает определённый вид работы, обращённый к неопределённому кругу лиц в форме открытого конкурса, нацелен на поиск решения проблемы с опорой на знания многих людей [6, с. 117—118]. В контексте развития электронной демократии краудсорсинг выступает в качестве способа участия граждан в сфере государственной политики, активного участия в избирательном процессе, составления петиций в органы власти т. д.

С целью устранения недостатков и повышения рентабельности проекта российские авторы выносят свои предложения, осуществляя прогнозы и делая сравнительный анализ по итогам исследования зарубежных систем электронного администрирования и электронной демократии. Среди них В. Г. Белов, Е. В. Казьмина [7, с. 45—47], Д. В. Маслинов [8, с. 1—13], К. Ю. Матрёнина [9, с. 1368—1373] и др.

В качестве дополнения и улучшения государственной Концепции предлагается внедрить публичную и открытую электронную базу электронной демократии, применить мировой опыт передовых стран (США, Сингапур, Канада, Франция, Германия, Южная Корея), привлечь граждан к контролю и управлению электронными системами, в том числе, к контролю и мониторингу принятых государственных решений, обеспечить бесплатные точки доступа для входа в электронную систему для каждого гражданина,

создать обязательное исполнение решений граждан государственными и муниципальными органами власти, принятых на основе электронной демократии. Отрастить на законодательном уровне вышеуказанные изменения.

При изучении данного вопроса особое значение имеет тот факт, что электронная демократия в нашей стране начала развиваться до 2012 года. Началом планомерного формирования в Российской Федерации «электронной демократии» можно считать дату создания федеральной целевой программы «Электронная Россия (2002—2010 гг.)», утвержденную постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 [10].

Главной целью программы было введение в Российской Федерации «электронного правительства», которая, по оценке Н. В. Лаврик, была достигнута. Следует отметить, что не менее главными результатами проекта «Электронная Россия», по данным Минэкономсвязи стали: создание интернет-сайтов ведомств; появление ГАС «Законотворчество» и государственной информационно-аналитической системы контрольно-счётных органов РФ (ГИАС КСО); появление Федерального информационного центра (ФИЦ) (к 2006 году); создание Государственной информационно-аналитической системы и решения региональной информатизации («одно окно» и др.) (к 2008 году); создание «единого портала государственных услуг» и сводного реестра государственных услуг и государственных функций (к концу 2010 года).

Значимым результатом явилось то, что Российская Федерация прошла этап внедрения технологий информационного общества и электронного правительства в сферу функционирования властных структур, а также в сферу демократической коммуникации власти и общества [11, с. 108—109]. Тем не менее, значимым является вопрос о разработанности и функциональных возможностях сайтов. Причём, контент и интерфейс сайтов некоторых государственных органов остаются на низком уровне. Необходимо осуществлять дополнения по модернизации компьютерного оборудования и функционирования сайтов согласно современным техническим требованиям, приводить в соответствие информацию, делать её актуальной и полезной для пользователей, проводить периодический обзор деятельности для выявления динамики развития сайтов, включающих количество обращений, отзывы граждан, разрешённые вопросы и т. д. Это позволит

увидеть полную картину эффективности работы органов власти в сфере электронных коммуникаций.

А. В. Россошанский и А. Ю. Цаплин в своём научном труде указывали, что «в период реализации программы принималось большое количество поправок к существующим законам и новым нормативным правовым актам, регулирующих общественные отношения в сфере ИКТ. В их числе были следующие федеральные законы: «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», «Об электронной подписи», «О персональных данных» и т. д. Принципиально важным результатом реализации программы стало расширение возможностей включения органов государственной власти, структур гражданского общества и рядовых граждан в новую информационно-коммуникативную среду. Все органы власти открыли свои интернет-представительства (созданы веб-сайты). Начались процессы по формированию единого информационного пространства законодательной и судебной власти. В 2003—2007 гг. создана объединенная компьютерная сеть субъектов права законодательной инициативы с центром управления в Государственной Думе, а также некоторые элементы ГАС «Законотворчество», прообраза будущего электронного парламента» [12, с. 13]. Таким образом, можно заметить, что эволюционное развитие законодательства Российской Федерации стало предпосылкой для создания единой сети законодательных инициатив граждан. Без отработанных, формально закрепленных, юридических механизмов невозможно организовать дальнейшее развитие системы электронного государства.

Е. В. Голева выделяет в России три этапа информатизации общества и государства: «Первый этап формирования и развития электронного правительства в РФ начался с принятия «Концепции формирования информационного общества в России от 28 мая 1999 г. № 32». В течение данного периода времени в стране активно проводилась работа по формированию государственной политики информатизации, созданию законодательных основ развития информационных отношений. Были приняты федеральные законы «Об информации, информатизации и защите информации» (1995 г.) и «Об участии в международном информационном обмене» (1996 г.).

Второй этап информатизации России начался с принятия ФЦП «Электронная Россия» и проекта Концепции формирования

электронного правительства до 2010 г. Технология «электронного правительства» на данном этапе выступала как форма реализации электронной демократии в современной России.

На третьем этапе началась разработка Государственной информационной программы РФ «Информационное общество 2011—2020 гг.». Целью программы является получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий за счет обеспечения равного доступа к информационным ресурсам, развития цифрового контента, применения инновационных технологий, радикального повышения эффективности государственного управления при обеспечении безопасности в информационном обществе» [12, с. 27—30]. Информационное общество является наиболее разработанной фундаментальной программой, предусматривающей наличие определённого уровня развития компьютерных технологий, навыков работы в электронной сфере у государственных органов и граждан, основ сетевого общества и «информационной» культуры.

Под информационной культурой личности А. В. Уварова понимает «уровень развития направленности, опыта, особенностей психических процессов и биопсихических свойств человека, соответствующий требованиям и условиям информационного общества» [14, с. 155]. Большое внимание в данной трактовке уделяется психическому состоянию человека в процессе коммуникаций, связанных с информационными технологиями. И. Л. Малиборская больше внимание уделяет не внутреннему отношению человека к ИКТ, а к его профессиональной компетенции, предлагая следующее определение: «информационная культура — это культура компьютеризированного труда, включающая квалификацию использования ИТ, способы решения морально-этических вопросов, связанных с использованием ИТ, и психологические качества работников, влияющие на эффективность внедрения и использования компьютерных средств связи» [15, с. 38]. Таким образом, информационная культура общества представляет собой набор психологических установок граждан и навыков обращения с электронной информацией, компьютерными технологиями, позволяющих работать посредством информационно-телекоммуникационных технологий.

Граждане нового информационного общества, обладающие большим количеством

управленческих функций по сравнению с гражданами прошлых эпох, отличаются большей степенью заинтересованности в принятии политически значимых государственных решений, поскольку перед ними открыты широкие просторы возможностей, они лучше понимают последствия принимаемых законов, перспективы их внедрения и негативные факторы. По сравнению с 20 веком в обществе изменилось само представление граждан к политике. Сложно переоценить влияние СМИ на политические процессы. Особенно во второй декаде 21 века, когда главенствующую роль занимает Интернет. Большая часть молодёжи и трудоспособного населения предпочитают получать новостные сводки из социальных сетей, с популярных авторитетных сайтов, периодических электронных изданий и путём обмена информацией друг с другом. Компьютеры, смартфоны и планшетные компьютерные устройства помогают добиться максимального уровня информационного обеспечения общества. Самые свежие новости из одного уголка планеты могут распространиться по мировой сети за считанные минуты, в то время, как в 20 веке счёт шёл на дни и недели.

Граждане информационного общества, имеющие доступ к колоссальным объёмам актуальной информации, могут быть не только интересующимися потребителями информации, но и активными участниками в политической сфере. В связи с этим особую актуальность приобретает электронное голосование как один из ключевых элементов электронной демократии.

Так, Я. В. Антонов определяет электронное голосование как «комплексное, информационно обусловленное направление развития электронной демократии, отражающее ее подлинное содержание в том смысле, в каком демократия зависит от мнения граждан. Электронное голосование по мере технологического и концептуального развития приобретает контекст не только формы реализации электронной демократии, но и основного способа ее осуществления. Концептуальное развитие проявляется в постепенном формировании из собственно электронной формы голосования на выборах качественно нового понятия — электронного голосования в системе электронной демократии. Таким образом, электронное голосование начинает трактоваться предельно широко, становясь системообразующим звеном в системе электронной демократии (речь идет о системе дистанционного электронного голосования), а не просто формой реализации электронной

демократии, как электронное голосование позиционировалось прежде» [16, с. 42].

По мнению теоретиков, в перспективах развития электронного голосования планируется выражение реальной позиции населения. Возможность интерактивного участия и наличие строгой системы учёта голосов, обеспечивающейся за счёт систем информационной безопасности, позволят принимать беспристрастные решения, одобренные большинством избирателей. Электронное голосование применяется во многих развитых странах. Особый интерес представляет деятельность мониторинговых миссий Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека (ODIHR — Office for Democratic Institutions and Human Rights), основным направлением деятельности которых выступает наблюдение за ходом избирательного процесса и обеспечения «прозрачности» голосования. Используются технология сканирования бюллетеней (контролируемая среда) и системы электронного голосования с прямой записью (контролируемая среда). К ним относится регистрация выбора избирателя при помощи устройств с сенсорным экраном или кнопками, последующее электронное подведение итогов голосования. Актуальным вопросом применения новых технологий голосования является и вопрос прозрачности подсчета суммарного результата голосования при сохранении тайны волеизъявления каждого избирателя в отдельности. При этом важно подчеркнуть, что технология сканирования бюллетеней заменяет пересчет голосов избирателей вручную [17, с. 115—116].

Не смотря на большое количество положительных отзывов и преимуществ удалённого доступа к системе голосования, Норвегия отказалась от применения электронного голосования на выборах 2011 и 2013 гг. Как отмечает В. А. Кадлец, «это связано с тем, что схемы шифрования данных и защиты информации подверглись острой критике со стороны IT сообщества, которое призывает улучшить эти процессы. Подобные проблемы возникали и у других государств, испытывающих подобные системы голосования».

Примечательно, что система электронного голосования в мировой практике имеет длинную историю и уходит своими корнями во вторую половину 20 века. Известно, что электронное голосование зародилось в 1960 г. и связано оно с появлением перфокарт. На выборах избиратель пробивает свой избирательный бюллетень (перфокарту) в специальном устройстве. После чего

он вставляет перфокарту именно в аппарат для подсчета голосов, находящийся на избирательном участке, или опускает в ящик для голосования, который впоследствии перемещают в центральное бюро для подсчета голосов. Изначально данная система голосования была использована в США на первичных президентских выборах 1964 года. А в Европе, в отличие от Америки, электронное голосование начало применяться позже на 20 лет [19, с. 102]. К примеру, Швейцария в конце 1970-х годов начала практиковать голосование по почте [20, с. 438].

По сведениям Н. В. Титовской: «В Бразилии электронная система зарекомендовала себя с хорошей стороны, то есть благодаря модернизированной системе электронного голосования возникла возможность снижения показателя вероятности ошибки до 0,2%. В Ирландии электронное голосование стали вводить в 2002 году, но впоследствии после получения в 2003 году негативного отзыва Комиссии по электронному голосованию правительство приняло решение о приостановлении этого эксперимента. Примерно в то же время начинается апробация электронного голосования и в Российской Федерации. Первые экспериментальные «сканеры избирательных бюллетеней» были широко применены в Омской области на выборах губернатора в 2004 году в количестве 800 штук. В 2005 году была изготовлена партия комплексов для электронного голосования (далее — КЭГ), в которых реализована технология «безбумажного» голосования. В 2007—2008 годах в ходе парламентских и президентских выборов на 21 избирательном участке в пяти субъектах России: Великом Новгороде, Орле, Саратове, Суздале, Рязани — было использовано КЭГ. Данный эксперимент показал положительные результаты» [21, с. 106—107].

Процессы проведения электронного голосования вызывают большой общественный резонанс и споры о прозрачности таких выборов. Огромное внимание уделяется безопасности и сохранности информации, возможности проверки результатов голосования. По оценкам С. А. Овчинникова, «важным условием признания гражданами

э-голосования является установление правил обеспечения прозрачности, безопасности, целостности, надежности, общественного контроля и подотчетности процесса и его авторов таким образом, чтобы принципы равенства, свободы и тайны голосования полностью соблюдались. Вся информация, относящаяся к избирателям, должна быть использована или обработана в операционной системе электронного голосования таким образом, чтобы обеспечивалась защита личных данных в соответствии с требованиями законодательства. Безопасный режим онлайн-голосования потребует не только всеобщего доступа в Интернет, но и внедрения дополнительных средств безопасности, чтобы гарантировать соблюдение принципа «один избиратель — один голос», а также свободу избирателей формировать свое мнение, выражать его и понимать, что его мнение уважают» [22, с. 235]. Недостаточные меры и непроработанная стратегия обеспечения безопасности могут стать причиной фальсификации выборов и послужить поводом к отказу от электронной системы голосования. Особое внимание должно уделяться банку голосов, мерам защиты электронных данных, их подлинности.

Электронная демократия несет обширный позитивный потенциал для общества. Перспективность реализации идей по вовлечению граждан в правотворческий процесс представляет большой интерес для современных исследователей, теоретиков, государственных и муниципальных служащих. Гражданам может быть предоставлена возможность в электронной форме формировать содержание норм закона и контролировать процесс их исполнения. Не будучи способной реально трансформировать политическую систему в силу еще не устраненных недостатков, концепция электронной демократии, ее различные проекты становятся открытыми для социальных экспериментов с целью опробования идей на практике, выявления и устранения слабых мест. Именно в этом русле протекает институционализация электронной демократии во многих странах, в том числе, и в России.

Список литературы

1. Гегедюш, Н. С. Электронная демократия в системе муниципального управления / Н. С. Гегедюш // Местное самоуправление в системе публичной власти : сборник научных трудов. — 2015. — С. 95—97.
2. Бобров, А. М. Еще раз к вопросу об определении понятий «Электронная демократия» и «Электронное правительство» / А. М. Бобров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2009. — № 2. — С. 26—36.

3. Концепция развития в Российской Федерации механизмов электронной демократии до 2020 года (проект) // Сайт «Модератор». — URL: <http://mosmediator.narod.ru/index/0-2265>. (Дата обращения: 12.12.2016 г.).
4. Белов, В. Г. Электронная демократия в современной России / В. Г. Белов // Ценности и смыслы. — 2012. — № 4 (20). — С. 129—138.
5. Котляров, И. Д. Внутренний краудсорсинг: попытка политэкономического анализа / И. Д. Котляров // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики. — 2015. — № 9 (25). — С. 104—111.
6. Епинина, В. С. Краудсорсинг как технология партисипации в государственном менеджменте / В. С. Епинина // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. — 2012. — № 2 (25). Т. 2. — С. 117—122.
7. Казьмина, Е. А. Конституционно-правовые аспекты становления и развития электронной демократии в России / Е. А. Казьмина // Конституционное и муниципальное право. — 2016. — № 5. — С. 45—47.
8. Масланов, Д. В. Новые информационно-коммуникационные технологии для муниципального управления: краудсорсинг как инструмент улучшения взаимодействия «города» и горожан / Д. В. Масланов // Урбанистика. — 2015. — № 4. — С. 1—13.
9. Матрёнина, К. Ю. Генезис и эволюция электронного голосования в Бразилии, Канаде и США / К. Ю. Матрёнина // Право и политика. — 2015. — № 10. — С. 1368—1373.
10. О федеральной целевой программе «Электронная Россия (2002-2010 годы)»: Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 4 февраля 2002 г. — № 5. — Ст. 531.
11. Лаврик, Н. В. Становление электронной демократии и электронного правительства в современной России / Н. В. Лаврик // Стратегия устойчивого развития регионов России. — 2014. — № 24. — С. 107—111.
12. Россошанский, А. В. Политические приоритеты информатизации общественно-властных отношений в России / А. В. Россошанский, А. Ю. Цаплин // Вестник Поволжского института управления. — 2016. — № 5 (56). — С. 11—17.
13. Голева, Е. В. Технология «электронное правительство» как форма проявления электронной демократии в Российской Федерации / Е. В. Голева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. — 2014. — № 1. — С. 27—30.
14. Уразова, А. В. Информационная культура личности и информационная культура общества в России / А. В. Уразова // Наука. Инновации. Технологии. — 2010. — № 6. — С. 154—158.
15. Малиборская, И. Л. Сравнительная характеристика понятий «Информационная среда» и «Информационная культура» в рамках организационной культуры современных российских организаций / И. Л. Малиборская // Национальная Ассоциация Ученых. — 2016. — № 9 (25). — С. 36—39.
16. Антонов, Я. В. Конституционность электронного голосования в системе электронной демократии / Я. В. Антонов // Управленческое консультирование. — 2014. — № 9 (69). — С. 39—47.
17. Кириленко, В. П. К вопросу об использовании инновационных подходов в избирательном процессе при электронном голосовании / В. П. Кириленко, Н. С. Чимаров // Управленческое консультирование. — 2014. — № 12 (72). — С. 111—119.
18. Кадлец, В. А. Еще раз к вопросу об электронном голосовании спомощью интернета / В. А. Кадлец // Научное обеспечение агропромышленного комплекса : сборник статей по материалам 71-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2015 год. — Министерство сельского хозяйства РФ ; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина». — 2016. — С. 739—742.
19. Ермак, М. С. Электронное голосование как альтернатива традиционному / М. С. Ермак / Science Time. — 2015. — № 9 (21). — С. 102—105.
20. Телешина, Н. Н. Электронное голосование как средство демократизации правотворчества (опыт Владимирской области) / Н. Н. Телешина // Юридическая техника. — 2014. — № 8. — С. 438—442.
21. Титовская, Н. В. Электронное тайное голосование в России и за рубежом: сравнительно-правовой анализ / Н. В. Титовская // Юридическая наука. — 2012. — № 4. — С. 106—108.
22. Овчинников, С. А. Электронная демократия и угрозы нарушения конфиденциальности / С. А. Овчинников // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2013. — № 4 (48). — С. 122—125.